

Противоречия как двигатель развития избирательной системы

На сегодня избирательная система Российской Федерации в основном сложилась как на уровне законодательства, так и на уровне законодательной практики. Как ветеран отечественного избирательного процесса и участник всех этапов совершенствования нашего избирательного законодательства считаю, что 23 года, в течение которых мы формируем и совершенствуем наше избирательное законодательство и нашу избирательную систему, даром не прошли.

И в настоящее время, как мне представляется, радикально менять российское избирательное законодательство и избирательную систему или вносить в них какие-то радикальные новации нет особой необходимости. Можно ограничиться, скажем так, тонкой настройкой действующего законодательства по уточнению каких-то законодательных норм и развитию процедур избирательной практики, чтобы снабдить организаторов выборов более совершенным инструментарием для четкого и строгого выполнения закона.

Все годы становления новой политической системы России мы пребываем внутри определенного рода традиционного и объективного противоречий (характерных для любой политической системы) между запросом общества на конкурентные открытые законные выборы и реальную избирательную практику и действующим законодательством. Весь пройденный нами путь показывает, что эти противоречия и служат главным двигателем совершенствования законодательства и избирательных процедур.

Напомню, что избирательное законодательство, да и, можно сказать, вся российская избирательная система начиналась с указа. Ведь первые выборы в Государственную Думу проходили по Указу Президента Российской Федерации. И как это ни парадоксально, результаты тех выборов особых сомнений не вызывали. И это лишь потому, что тогда наличествовали внешние атрибуты конкуренции – присутствовали формальная многопартийность, весьма острая конкуренция между политиче-

скими силами и отдельными кандидатами, смешанная избирательная система со списками кандидатов и одномандатными округами.

При этом сами избирательные процедуры не были отработаны. Не приходится говорить и о том, что выборы находились под очень строгим гражданским наблюдением или контролем структур, которым по закону предписано следить за их качеством. Но именно результаты тех выборов сегодня практически никто под сомнение не ставит, большинство считает их чуть ли ни самыми легитимными, а для кого-то они и вовсе идеал.

По моему мнению, эти выводы довольно сомнительны. Когда я пытался проанализировать результаты выборов 1993 года, столкнулся с одним достаточно странным с точки зрения здравого смысла моментом. Например, ЛДПР (победитель тех выборов по спискам) получила в Пскове больше 40 процентов голосов избирателей, а в Ингушетии – чуть больше 2 процентов. Или никому не известная на тот момент партия «Российского единства и согласия» получила в Бурятии 37 процентов голосов граждан, а более чем раскрученный Г. Явлинский – чуть больше одного процента. Суть не в этих фактах и цифрах, я говорю о том, что мы начинали с таких выборов.

Традиционные и объективные противоречия между запросом общества на конкурентные открытые законные выборы и реальную избирательную практику и действующим законодательством, о которых шла речь выше, достигли своего апогея к концу первого десятилетия 2000-х годов, когда разрыв между этими противоречиями стал воистину колоссальным. Главным в той ситуации, на мой взгляд, было то, что ни избирательным законодательством, ни реальной электоральной практикой политическая конкуренция не обеспечивалась.

Я не буду развивать свою мысль вокруг термина «политическая конкуренция», но при участии в выборах семи политических партий и проведении выборов только по партийным спискам данная конкуренция тогда сузилась до площадки Государственной Думы. Политически активные люди, находящиеся за ее пределами и не имеющие возможности выхода на эту площадку, были просто отрезаны от политического и избирательного процесса.

Парадоксальность ситуации еще и в том, что, опять же на мой взгляд, выборы 2011 года были очень конкурентными, о чем свидетельствует хотя бы то, что Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ», являвшаяся партией парламентского большинства и имевшая конституционное большинство в Государственной Думе, в результате выборов по партийным спискам потеряла 77 мандатов – то есть каждый четвертый депутатский мандат. С политической точки зрения она просто проиграла эти выборы.

И несмотря на острую конкуренцию, достаточно высокую явку, наличие практически всех атрибутов для признания выборов конкурентными, а их результатов – соответствующими действительности, общество не

приняло в полной мере ни выборы, ни их результаты. Более того, они были подвергнуты серьезной критике. А политические партии, которые по результатам выборов оказались в выигрыше, эти результаты и вовсе оспаривали.

Из-за вышеозначенного разрыва между запросами и действующим тогда законодательством страна не приняла результаты выборов, которые, на мой взгляд, были весьма близки к тому, чего ожидал и хотел поучить избиратель.

Следующее за теми выборами пятилетие можно назвать наиболее плодотворным этапом развития избирательного законодательства, продуктом которого стали выборы 2016 года. Избирательное законодательство за эти пять лет совершенствовалось в правильном направлении, все делалось для того, чтобы сделать выборы максимально легитимными, конкурентными, открытыми. И по результатам выборов количество претензий к избирательному процессу существенно снизилось. Они не исчезли, конечно, но их стало гораздо меньше, чем в 2011 году.

Возвращаясь к вопросу о противоречиях, должен сказать, что они и сегодня до конца не разрешены. И вот почему. Сами результаты выборов 2016 года оказались неожиданными для многих. С одной стороны, неожиданно сильно выступила Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ», с другой – так же неожиданно, но неудачно провела выборы парламентская оппозиция, за исключением Политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России. А что касается малых и новых партий, то для них результаты выборов оказались просто плачевными. Ни одна из них (за исключением Политической партии КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ) не вышел за пределы 2 процентов, включая партии, которым предрекали высокие результаты (например, РОДП «ЯБЛОКО»).

Сейчас мы оказались в ситуации, когда российский политический класс не оспаривает эффективность совершенствования действующего законодательства, и мы действительно можем говорить, что выборы в стране становятся все более конкурентными, открытыми и легитимными. В то же время та тонкая настройка, о которой я уже говорил, сегодня крайне необходима, чтобы снять недоверие избирателей как к институту выборов, так и к другим институтам власти.

Не следует забывать и о том, что выборы 2016 года с точки зрения явки избирателей были самыми неудачными. Это обстоятельство экспертным сообществом и участниками выборов объясняется по-разному. Кстати, и так же по-разному воспринимается. Для одних это нечто нормальное: «Ну и что, мол, подобная явка избирателей как раз на уровне европейских стандартов. 49 процентов явки – вполне нормально». Для других же, с учетом наличия в обществе определенного уровня недоверия к институту выборов, низкая явка избирателей – дополнительный повод в очередной раз оспаривать их результаты.